

В. А. Рубин

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

в VII—V вв. до н. э.

В современной науке господствует взгляд, согласно которому строй древнекитайских государств уже с древнейших времен исключал возможность участия народа в управлении. Китай первой половины I тысячелетия до н. э., как правило, выступает в трудах западноевропейских и американских ученых как феодальное общество с бесправными крестьянами внизу и всемогущими феодалами наверху. Наиболее последовательно эта точка зрения проводится в посмертном труде крупнейшего французского сиолога М. Гране «Китайский феодализм»¹. Бесправной массой изображаются земледельцы чжоуской эпохи и в труде А. Масперо «Древний Китай»². Характеризуя общество эпохи Конфуция, видный американский специалист по древнему Китаю Х. Г. Криль также рисует беспросветную картину произвола властителей, бессилия и бесправия народа³.

В трудах историков-марксистов государство эпохи Чжоу большей частью расценивается как восточная деспотия⁴. Правда, уже в 1940 г. Л. В. Симоновская поставила вопрос о народных собраниях в древнем

¹ М. Гране, *La féodalité chinoise*, Oslo, 1952, стр. 25: «В тот период древнекитайской истории, который не я первый определяю как феодализм, наиболее существенным фактом представляется то, что, совсем как в средневековой Европе, классу воинов, который рассматривал себя как благородный класс, противостояла масса презираемого крестьянства. Тех, кого в наших странах называли вилланами, китайцы называли «простыми людьми» (*шужэнь*) или «маленькими людьми» (*сяжэнь*)... Противоположность проявляется особенно в битве. Как и у нас, благородный воин в изобилии снабжен наступательным и оборонительным оружием. Он владеет лошадьми и сражается на колеснице. Простые же люди являются даже не пехотой, а пешками».

² А. Масперо, *La Chine antique*, P., 1927, стр. 108.

³ Х. Г. Криль, *Confucius. The Man and the Myth*, L., 1951, стр. 24: «У аристократов было достаточно мало безопасности, у народа — никакой. Это были в основном крестьяне — фактически большей частью крепостные. Знать облагала их налогами, заставляла работать, грабила, била плетью и убивала почти беспрепятственно, за исключением того, что, доведенные до крайности, они могли восстать. Карой за неудачное восстание была смерть от пыток».

⁴ См., например, «Всемирная история», I, где говорится, что «государственный строй Чжоу можно характеризовать как наследственную деспотию во главе с царем-ваном» (стр. 611). Так же определяется древнекитайское государство и в «Истории древнего мира» под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. Авторы этой книги пишут, что «в эпоху Чжоу власть царя приобретает обычные черты древневосточной деспотии» (разрядка в книге, стр. 216). Как древневосточная деспотия выступает государство эпохи Чжоу и в кн.: В. И. Авдиев, *История древнего Востока*, 1953, стр. 638.

Китае⁵, но в дальнейшем эта проблема не разрабатывалась⁶. Рассматривая политическую историю периода Чуньцю, одни ученые говорят о том, что это было время патриархальной деспотии⁷, другие видят значение времени в борьбе за власть между различными слоями родовой знати⁸.

Между тем изучение источников показывает, что оценка государственного строя периода Чуньцю нуждается в серьезном пересмотре, ибо в ряде государств древнего Китая VII—V веков до н. э. сохранились весьма заметные элементы первобытно-общинных демократических традиций. Это показывает, в частности, приведенный в «Цзо чжуань»⁹ эпизод, относящийся к 501 г. до н. э. (8 г. Дин-гуна¹⁰). В хронике рассказывается, что вэйский властитель не желал идти на удовлетворение унижительных для Вэй притязаний Цзинь, но боялся, что *дафу* («великие мужи» — представители знати) заставят его сделать это. И в самом деле, *дафу* согласились со всеми требованиями Цзинь. Тогда он собрал у себя *гожэнь* (людей города) и спросил, согласны ли они выступить против царства Цзинь. Лишь после того, как народ дал свое согласие, властитель решил сорвать с этим могущественным царством¹¹.

Мы перевели здесь термин 國人 *гожэнь* как «люди города». Историки по-разному интерпретируют этот термин. Ян Куань считает, что в число *гожэнь* входили жившие в столичных городах представители низшей прослойки знати (*ши*), ремесленники и торговцы¹². Противоположной точки зрения придерживается Сы Вэй-чжи; по его мнению, термин *гожэнь* обозначает свободных земледельцев — потомков чжоуских завоевателей, но не относится к жившим в городах ремесленникам и торговцам — потомкам иньцев (ук. соч., стр. 67). К земледельцам *шужэнь* приравнивает *гожэнь* М. Гранэ — единственный из европейских авторов, обративший внимание на этот термин (Granet, ук. соч., стр. 155). Тун Шу-е отстаивает взгляд, согласно которому термин *гожэнь* относится к земледельцам, ремесленникам, торговцам и некоторым представителям знати¹³. Ван Юй-цюань,

⁵ Л. В. Симоновская, Возникновение и развитие государства в древнем Китае, ИЖ, 1940, № 7, стр. 74.

⁶ В крупнейших работах по истории древнего Китая Го Мо-жо, Хоу Вай-лу, Цзянь Бо-цзяня и Фань Вань-лани о народных собраниях вообще не упоминается. Коротко говорится о них лишь в ст. Сы Вэй-чжи, К вопросу о собственности на землю в эпоху Инь-Чжоу, «Лиши яньцзю», 1956, № 4. Сы Вэй-чжи, однако, не приводит доказательств, которые подтверждали бы наличие в древнем Китае традиции созыва народных собраний.

⁷ Хоу Вай-лу, История древнекитайского общества, Пекин, 1955, стр. 206—231 (на кит. яз.).

⁸ Фань Вань-лани, Древняя история Китая, М., 1958, стр. 110; Го Мо-жо, Эпоха рабовладельческого строя, М., 1956, стр. 36; Ван Юй-чжэ, Очерки по древней истории Китая, Шанхай, 1959, стр. 181—184 (на кит. яз.).

⁹ На наш взгляд, «Цзо чжуань» является аутентичным источником, составленным в IV в. до н. э. Подробную аргументацию см. В. Рубин, О датировке и аутентичности «Цзо чжуань», ПВ, 1959, № 1.

¹⁰ Текст «Цзо чжуань» делится по годам правления гунов государства Лу. Мы приводим эти даты для удобства отыскания отрывков по любому изданию.

¹¹ J. Legge, The Chinese Classics, V, Hongkong, 1872, стр. 767 (ссылка дается на это издание, как на одну из наиболее общепризнанных публикаций источника). Интересно сравнить этот эпизод с шумерской песней о войне между Гильгамешем, правителем Урука, и Акой, лугалем Киша. В ответ на требование Аки о подчинении Урука Гильгамеш предлагает «старцам города» оказать сопротивление, но они от этого отказываются, считая более выгодным подчиниться Кишу. После этого Гильгамеш держит речь перед «мужами города», и они его поддерживают (см. И. М. Дьяков, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959, стр. 128—129). И там и здесь вопрос разрешается в народном собрании.

¹² Ян Куань, История Чжаньго, Шанхай, 1955, стр. 1 (на кит. яз.).

¹³ Тун Шу-е, Ремесло и торговля в период Западного Чжоу и Чуньцю, «Вэнь, ши, чжэ», 1958, № 1, стр. 37 (на кит. яз.).

наконец, пишет, что *гожэнь* — термин, обозначающий высшую и среднюю прослойки знати, но не народ¹⁴. К сожалению, высказывая свои точки зрения, эти ученые не аргументируют их.

Поскольку термин *гожэнь* появляется как раз в тех текстах, где рассказывается о народных собраниях, его обоснованная расшифровка представляет исключительный интерес.

Дословный перевод термина *гожэнь* — «люди го». В период Чуньцю иероглиф 國 *го* означал и государство, и город — его центр¹⁵. Чтобы представить себе, каковы были *го* той эпохи, надо иметь в виду, что китайские государства в то время занимали не более пятнадцатой части современного Китая. На севере они доходили до Пекина, на юге — до рек Хуай и Хань, на востоке — до нынешних провинций Шаньдун и Цзянсу (причем побережье Тихого океана было занято некитайскими народами), на западе — до провинции Шэньси. На этом пространстве было расположено приблизительно 150 государств¹⁶, причем заселена была отнюдь не вся эта территория: между отдельными государствами были значительные пространства неводеланной земли¹⁷. Это приводит к заключению, что семантика термина *го*, в период Чуньцю означавшего, подобно греческому *πόλις*, и город, и государство, отражает тот этап развития китайского государства, когда оно еще не вышло за пределы города и его окрестностей¹⁸. С постепенным поглощением мелких государств крупными термин *го*, утратив значение город, стал обозначать только государство¹⁹.

Но наряду с мелкими в период Чуньцю существовали и крупные государства, достигавшие размера нынешней провинции. Таковы были царства Чу (оно было расположено на территории провинций Хубэй и Аньхой), Ци (на территории провинции Шаньдун), Цзинь (на территории Шаньси) и Цинь (на территории Шэньси). Как будет показано ниже, политический строй этих царств отличался от строя мелких государств. Иное содержание имел здесь и термин *гожэнь*. Как мы увидим, в текстах, относящихся к небольшим государствам, он обозначает все их свободное население (в отличие от знати и рабов), а в тех отрывках, которые рассказывают о больших царствах, — лишь свободное население столицы.

Что знать не включалась в число *гожэнь*, видно из приведенного выше текста, где вэйский властитель, стремясь найти поддержку против знати, обращается к *гожэнь*. Ведущая прослойка знати — *дафу* — противопоставляется *гожэнь* и в других текстах. Относящийся к 542 г. до н. э. (30 г.

¹⁴ Ван Юй-цюань, Интерпретация «Юань-тянь», «Лиши яньцюю», 1957, № 4, стр. 81 (на кит. яз.).

¹⁵ См.: В. Карлген, *Grammata Serica Recensa*, BMFEA, № 29 (1957), № 923, стр. 244; словарь «Цыхай», Шанхай, 1948, стр. 303.

¹⁶ Фань Вэнь-лань, ук. соч., стр. 126, дает цифру 140—150, Хоу Вай-лу, ук. соч., стр. 195, — 130—180.

¹⁷ Так, в «Цзо чжуань» упоминается, что между Чжэн и Сун была полоса нейтральной, никому не принадлежавшей территории (См. Legge, V, стр. 828—829).

¹⁸ Термин «город-государство», насколько нам известно, впервые использовал для характеристики государственных образований Западного Чжоу—Чуньцю Хоу Вай-лу, ук. соч., стр. 143—205. Хоу Вай-лу считает, что в древнекитайском городе-государстве господствовала родовая знать и что это свидетельствует о сохранении родового наследия в классовом обществе. отождествляя родовый строй с господством родовой знати, Хоу Вай-лу упускает из виду то, что в первобытном обществе управление осуществлялось демократическим путем. Поэтому Хоу Вай-лу не замечает и того, что демократические традиции, сохранившиеся от первобытно-общинного строя, играли значительную роль в политической жизни китайского города-государства периода Чуньцю.

¹⁹ Уже в трактате «Ле-цзы», который рядом исследователей датируется IV веком до н. э. (см., например, Чжан Синь-чэн, Исследование вопроса о фальсификации книг, т. II, Шанхай, 1957, стр. 824; R. Wilhelm, *Liä Dsi*, Jena, 1911, стр. XVII), термин *го* относится только к государству. Столица здесь называется «государственным городом» — 國之城 (см. Чжуцзы цичэн, т. III, ч. 5, стр. 38).

Сян-гуна) отрывок рассказывает, что чжэнский властитель заключил договор отдельно с *дафу* в большом дворце и отдельно с *гожэнь* за городскими воротами (Legge, V, стр. 553). Аналогичный текст, относящийся к 503 г. до н. э. (6 г. Дин-гуна), говорит о том, что Ян Ху заключил в Ляу договор с властителем и потомками Хуань-гуна, с одной стороны, и с *гожэнь* — с другой (там же, стр. 762). О социальном смысле термина *гожэнь* говорит и текст «Мэн-цзы», в котором приводятся следующие слова мыслителя, обращенные к царю Ци Сюань-вану: «Если ваши приближенные говорят, что это человек мудрый, этого еще недостаточно; если все *дафу* говорят, что это человек мудрый, этого тоже недостаточно; если *гожэнь* говорят, что это человек мудрый, то рассмотрите (этот вопрос). После того как увидите, что он действительно мудр, используйте его»²⁰.

Итак, знать не входила в число *гожэнь*. Следовательно, это были рядовые свободные люди. Тексты «Цзо чжуань», перечисляющие социальные прослойки, из которых состояло тогдашнее общество, показывают, что к числу свободных людей относились земледельцы, ремесленники, торговцы²¹. Это само по себе наталкивает на предположение, что именно эти прослойки обозначаются термином *гожэнь*. Такое предположение подтверждается отрывками, непосредственно раскрывающими содержание данного термина. В тексте, относящемся к 493 г. до н. э. (1 г. Ай-гуна), рассказывается о том, что в 505 г. до н. э. царь У, в тот момент занявший значительную часть территории Чу, потребовал, чтобы находившееся в зависимости от Чу небольшое государство Чэнь порвало отношения с Чу и перешло на сторону У. Тогда чэньский властитель созвал *гожэнь* и сказал: «Кто хочет остаться с Чу, пусть отойдет направо, кто хочет присоединиться к У — налево». Жители Чэнь встали в зависимости от того, у кого где было поле (Legge, V, стр. 798). О наличии земли у *гожэнь* говорит и относящийся к 483 г. до н. э. (11 г. Ай-гуна) текст, передающий, что чэньские *гожэнь* прогнали сановника, использовавшего не по назначению собранные с их полей налоги (там же, стр. 822). О том, что ремесленники и торговцы также входили в число *гожэнь*, свидетельствует упомянутый текст, рассказывающий о событиях в Вэй в 501 г. до н. э. (см. стр. 23). Здесь говорится, что сановник, предлагавший обратиться к помощи *гожэнь*, убеждает властителя в целесообразности такого шага тем, что ни разу не случалось, чтобы в тяжелые для государства Вэй моменты ремесленники и торговцы сделали попытку не делить общих трудностей.

Эти тексты не оставляют сомнений в том, что для осуществления определенных мероприятий правителям подчас необходима была санкция народного собрания²². Более того, как это видно из других записей, в ряде государств VII—V вв. до н. э. собрание свободных являлось источником власти. Иначе говоря, оно могло избирать, утверждать, а при случае и низлагать правителя. О выполнении им такой функции в царстве Цзинь свидетельствует отрывок, датированный 643 годом до н. э. (15 г. Си-гуна).

Здесь рассказывается, что цзиньскому царю, находившемуся в то время в плену в Цинь, было предложено заключить мир. Тогда он послал своего приближенного Ци Ци в Цзинь с тем, чтобы тот посоветовался обо всем с видным цзиньским аристократом Люй И-шэном. «Люй И-шэн научил его (т. е. Ци Ци), какую держать речь, и сказал: „Созови ко двору

²⁰ «Чжуцзы цзичэн», т. I, ч. 2, стр. 85.

²¹ Эти тексты приведены в ст. В. А. Рубин, Рабовладение в древнем Китае в VII—V вв. до н. э., ВДИ, 1959, № 3, стр. 6—8.

²² Как показывают приведенные тексты и ряд других данных, в государствах древнего Китая в это время наряду с народным собранием действовал совет знати (*дафу*). В данной статье, посвященной народному собранию, проблемы, связанные с деятельностью совета знати, специально не рассматриваются.

гожэнь, одари их как бы по приказу государя и скажи им (от его имени): Даже если я вернусь, боги земли и злаков будут покрыты позором. Погадайте о том, чтобы заменить меня Юем (старшим сыном царя. — В. Р.)²³. В толпе все заплакали, и тогда в Цзинь были розданы поля²³. (Люй) И-шэн сказал: „Государь не скорбит о собственном изгнании, он думает лишь о своих слугах. Так велика его милость! Что же мы сделаем для него?“ Толпа спросила: „Что можно сделать?“ (Он) ответил: „Соберем средства и приведем в порядок оружие, чтобы поддержать его юного сына. Когда другие властители услышат о том, что мы, потеряв государя, приобрели нового, что среди подданных царит гармония и единство и что оружия у нас еще больше, чем раньше, тогда те, кто любит нас, станут нас воодушевлять, тех же, кто нас ненавидит, охватит страх. Разве это не будет нам полезно?“ Толпа обрадовалась, и во всех цзиньских округах тогда стали готовить войска и оружие²⁴.

В этом отрывке мы видим характерный и, как будет показано ниже, неоднократно встречающийся в «Цзо чжуань» диалог с толпой (衆 衆) собравшихся на сходку гожэнь. Хотя в данном случае собрание было создано не по их собственной инициативе, оно и здесь выступает в качестве органа, обладающего прерогативой низложения одного правителя и выбора другого. Без обращения к народу заменить попавшего в плен цзиньского царя его сыном было, очевидно, невозможно.

В качестве источника власти выступает народное собрание и в государстве Вэй. В «Цзо чжуань» имеется несколько записей, говорящих о том, что в политической жизни этого государства народу принадлежала весьма заметная роль. В первой из этих записей, относящейся к 641 г. до н. э. (18 г. Си-гуна), рассказывается, что жители Син вместе с племенем Ди напали на Вэй и обложили местечко Тупу. Тогда вэйский правитель решил уступить власть кому-либо из своих дядей или двоюродных братьев. Он позвал к себе толпу (衆) и сказал: «Если кто-нибудь может (взять на себя) управление, то (я) Хуэй прошу разрешить (мне) за ним следовать». Но толпа отказала ему²⁵, и вскоре захватчики отступили.

Ситуация здесь напоминает ту, которую мы наблюдали в приведенном выше тексте. Правитель в трудный момент созывает народное собрание, чтобы отречься от власти и предложить народу избрать кого-либо на его место.

Отрывок, относящийся к 631 г. до н. э. (28 г. Си-гуна), свидетельствует о том, что такое обращение не было пустой формальностью и от народа

²³ Legge, V, стр. 165: 作委田. Толкование этого текста является предметом значительных разногласий. Взгляды, высказывавшиеся по этому поводу комментаторами, собраны в упомянутой статье Ван Юй-цюаня. Наиболее близкой к истине нам кажется точка зрения Ван Чжун-ло и Ян Куаня, считающих, что передача полей отдельным семьям гожэнь свидетельствует о начавшемся разложении общинной собственности на землю. См. Ван Чжун-ло, Сельская община и переложная система землепользования в эпоху Чуньцю, «Сборник статей о периодизации древней истории Китая», Пекин, 1956, стр. 76 (на кит. яз.); Ян Куань, Реформы Шан Яна, Шанхай, 1955, стр. 42—43 (на кит. яз.).

²⁴ Legge, V, стр. 165: 衆說...作州兵. Этот текст интерпретируется по-разному. Куврер считает, что он указывает на сбор войск по округам (S. Couvreur, La chronique de la principauté de Lou, т. I, Р., 1951, стр. 304). По мнению известного комментатора III века н. э. Ду Юя, он говорит о сборе оружия («Чуньцю цзинь чжуань цзи цзе», т. I, Пекин, 1955, стр. 358). Этому толкованию следует и Легге. Мы в своем переводе исходим из того, что система набора в то время включала поставку наряду с колесницами и вооружением пехоты также и обслуживающего персонала (см. Ян Куань, Реформы Шан Яна, Шанхай, 1955, стр. 44 — на кит. яз.). Комментатор XVIII века Хун Лян-цзи высказывает предположение, что здесь имеется в виду военная реформа («Чуньцю Цзо чжуань гу», Изд. Сыбу бэйло, т. II, гл. 7, стр. 19). На наш взгляд, эта гипотеза не подтверждается контекстом.

²⁵ Legge, V, стр. 174: 衆不可.

в самом деле зависело, оставить ли правителя на престоле. Здесь говорится, что вэйский народ отказал в разрешении на проход через территорию вэйцзиньских войск, направлявшихся на Цао. В результате цзиньская армия, пройдя другим путем, вторглась не только в Цао, но и в Вэй. После неудачных попыток примирения с Цзинь Чжэн, правитель Вэй, попытался договориться с антагонистом Цзинь — царством Чу. Тогда не желавшие союза с Чу *гожэнь* прогнали его ²⁶.

Через несколько месяцев благодаря вмешательству царства Цзинь вэйский правитель был восстановлен на престоле. Однако «Цзо чжуань» показывает, что это отнюдь не означало безоговорочной капитуляции народа. Перед возвращением Чжэна в Вэй его представитель заключил с жителями города соглашение, в котором после сетований по поводу разлада между правителем и народом говорилось: «Если бы не те, кто остался (в Вэй), кто оберегал бы алтарь земли и злаков? если бы не те, кто отправился (вслед за властителем), кто охранял бы пастухов и конюхов ²⁷. Из-за наших прежних несогласий мы торжественно просим теперь о договоре перед вами, великие духи, чтобы смягчить сердце неба. Отныне, после заключения договора, пусть те, кто отправился (за властителем), не кичатся своими заслугами, а те, кто остался, не боятся, что их обвинят в преступлении. Если же, нарушив договор, кто-либо станет возбуждать смуту, то пусть светлые духи и наши прежние государи осудят и истребят его». Далее в источнике говорится: «*Гожэнь* услышали об этом договоре, и среди них больше не возникло разногласий» (Legge, V, стр. 206). Эта фраза показывает, что *гожэнь* выделили для переговоров каких-то представителей, которые впоследствии доложили им о результатах, причем *гожэнь* могли и не одобрить достигнутого соглашения.

Очень интересен текст договора. В «Цзо чжуань» неоднократно упоминается о заключении договоров, но редко раскрывается их содержание. Приведенное соглашение, позволяющее составить некоторое представление об этих договорах, по существу является обязательством правителя и сопровождавших его приближенных, во-первых, не добиваться особых привилегий и, во-вторых, не преследовать тех, кто выступал против них. Отсюда можно заключить, что если народное собрание, условно говоря, являлось законодательной властью (не следует забывать только, что само понятие закона в древнем Китае в то время еще не выработалось), то исполнительная и судебная власть была в руках властителя, и народ опасался, что этой властью он будет злоупотреблять.

Следует обратить внимание также на религиозный характер договора. Текст его показывает, что заключавшие считали страх перед возмездием нарушителя со стороны неба и духов предков надежнейшей гарантией его выполнения. Сам ритуал заключения договора являлся по существу религиозной церемонией. Над выкопанной в земле ямой закалывали жертвенного быка, отрезали у него левое ухо, наполняли кровью сосуд и писали ею текст договора. Затем этой кровью мазали губы тех, кто принимал участие в церемонии, и оглашали договор («*Цыхай*», стр. 940).

Последние записи, рассказывающие о народных собраниях в Вэй, относятся к 469 и 468 гг. до н. э. (25 и 26 гг. Ай-гуна). Летом 469 г. до н. э. обиженные вэйским властителем представители знати при поддержке ре-

²⁶ Legge, V, стр. 203: 國人不敢，故出其君。

²⁷ Там же: 謹扞牧圉。Как показывает Э. Эркес, в качестве пастухов в это время использовали рабов (E. Erkes. Das Schaf im alten China, «Asiatica. Festschrift Fr. Weller», Lpz, 1954, стр. 88—89). В упомянутой выше статье «Рабовладение в древнем Китае в VII—V вв. до н. э.» нами было показано, что обязанности конюхов также выполнялись рабами. Поэтому их необходимо было охранять (см. стр. 13).

месленников, которых, как сообщает «Цзо чжуань», вэйский гун заставлял работать на себя слишком долго, подняли восстание.

Восставшие были вооружены острым оружием, те же, у кого его не было, использовали топоры (Legge, V, стр. 856). Гуну пришлось бежать, но на следующий год ему удалось при помощи войск Лу, Юе и Сун снова вступить в пределы государства Вэй. Вэйские отряды, вступившие в бой с вторгшимися иноземцами, были разбиты. Тогда возглавлявший восстание Ми Моу послал спросить у народа, примет ли он государя, пользующегося варварскими войсками²⁸ и опустошающего собственную страну. Толпа ответила: «Не примем»²⁹. «А хотите ли вы, чтобы я удалился в изгнание?» — снова спросил Ми Моу. Толпа ответила: «Не уходи»³⁰. Тогда Ми Моу, подкупив юесцев, широко открыл ворота, поставил на стены вооруженных людей и пригласил гуна вступить в город. Его маневр увенчался успехом: гун вступить в свою столицу не решился. После этого на престол поставлен был новый властитель Дао-гун, а Ми Моу был провозглашен главным его помощником. Вряд ли можно сомневаться в том, что эти назначения исходили от народного собрания или во всяком случае были им одобрены.

От народа исходило назначение правителя и в некоторых других государствах. Текст, относящийся к 527 г. до н. э. (14 г. Чжао-гуна), говорит о том, что народ государства Цзюй после смерти Цю-гуна отказался подчиниться его сыну. Вместо него *гожэнь* решились поставить во главе государства Гэн Юя, младшего брата покойного властителя³¹. Об отказе подчиниться прямому наследнику правителя рассказывают и записи, относящиеся к концу 615 г. и к началу 614 г. до н. э. (11—12 гг. Вэнь-гуна). Они говорят о том, что *гожэнь* маленького города Чэн сами поставили себе государя вместо не устраивавшего их «законного» претендента на престол³².

По существу народом был решен и вопрос о том, кто будет наследником престола в государстве Сун после смерти Цзин-гуна (468 г. до н. э. — 26 г. Ай-гуна). В «Цзо чжуань» рассказывается, что в это время возник острый конфликт между Да-инем, фаворитом покойного властителя, и родовой знатью. Да-инь пытался добиться того, чтобы наследником Цзин-гуна был воспитанник властителя Ци. Для этого он обманом завлек нескольких высших сановников и под угрозой заставил их поклясться в верности новому правителю. Это, однако, не обеспечило ему победы. Текст «Цзо чжуань» показывает, что захватить власть в Сун вопреки воле народа было невозможно, и в дальнейшем действия обеих сторон направляются на то, чтобы привлечь народ на свою сторону. Для этого один из представителей знати, оповестив весь город, что Да-инь обманывал Цзин-гуна, обвинил его в неожиданной смерти последнего. Попытка Да-иня заставить знатных сановников поклясться в верности ему лично окончилась провалом. Аристократы, посоветовавшись и решив, что народ поддержит их в борьбе против пытающегося захватить власть выскочки, начали активные действия. Они роздали своим людям оружие и распространили по городу призыв следующего содержания: «Да-инь обманывал государя, он угнетает и тиранит его семью. Те, кто пойдет с нами, будут ее спасителями». Толпа сказала: «Пойдем с ним»³³. В свою очередь и Да-инь рас-

²⁸ На взгляд жителей бассейна Хуанхэ, незадолго до того китаизированное царство Юе было населено варварами.

²⁹ Legge, V, стр. 857: 衆曰: «勿納».

³⁰ Там же, стр. 858: 衆曰: «勿出».

³¹ Там же, стр. 654: 國人弗順, 欲立...庚興

³² Там же, стр. 257 и 259: 國人弗徇...鄙人立君.

³³ Там же, стр. 858: 衆曰: «与之».

пространил по городу призыв, в котором говорилось, что знать хочет нанести вред княжескому дому; Да-инь обещал богатство тем, кто пойдет за ним. Толпа сказала: «Он говорит так, как будто он государь»³⁴. Часть знатных людей хотела напасть на резиденцию, где находился поставленный фаворитом правитель, но их удержало то, что этот поступок может быть расценен как выступление против государя. Тогда, как сообщает «Цзо чжуань», они постарались возбудить *гожэнь* против Да-иня, и ему пришлось бежать в Чу вместе с возведенным им на престол Ци. Весь контекст этого отрывка не оставляет сомнений в том, что толпа, выступающая в нем дважды, состояла из собравшихся на сходку *гожэнь*, которые в конечном счете и решили исход дела.

Приведенные отрывки показывают, что в ряде древнекитайских государств VII—V веков до н. э. народное собрание было облечено высшей властью: собравшиеся на сходку свободные могли назначать и сменять правителей. Нам могут возразить, что в то время в древнем Китае власть переходила по наследству. Этот факт, однако, не означает, что законный наследник не должен был добиваться того, чтобы его утвердило народное собрание. Как отметил Ф. Энгельс, то, что в древней Греции должность *басилевса* переходила по наследству к его сыну, лишь доказывает, что сыновья могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не служит доказательством законного наследования помимо такого избрания³⁵.

Указание на то, что народное собрание продолжало подчас выполнять функцию источника власти даже в начале периода Чжаньго, мы находим в хронике «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана, где говорится, что *гожэнь* в 402 г. до н. э. возвели на престол Дао-вана в Чу, в 400 г. до н. э. — У-хоу в Чжао, в 371 г. до н. э. — И-хоу в Хань³⁶. Конечно, эта хроника, написанная во второй половине XI в., не может быть признана первоисточником по истории древнего Китая. В настоящей работе мы не можем останавливаться на вопросе о том, на каких материалах она построена; заметим лишь, что вряд ли можно сомневаться в обоснованности формулировок Сыма Гуана, историка, отличавшегося необыкновенной тщательностью и добросовестностью в обработке источников. Как консервативно настроенный конфуцианец, Сыма Гуан никак не может быть заподозрен в желании преувеличить роль народных собраний.

Свидетельством наличия в период Чжаньго не угасшей еще традиции избрания правителя народом является текст «Чжоу-ли», говорящий об обязанностях *сяосыкоу* (чиновник ведомства суда и расправы). «В ведении *сяосыкоу* находится управление вне стен, окружающих дворец властителя. *Сяосыкоу* должен советоваться с десятитысячной толпой народа, во-

³⁴ Там же, 蒙日: «無別». Буквальный перевод этой реплики, — «не отличается» — оставляет неясным ее смысл. Известный комментатор III века н. э. Ду Юй расшифровывает ее следующим образом: «Им было противно, что он призывает их так, как если бы он был государем» («Чуньцю цзин чжуань цзи цзе» Пекин, 1955, т. III, стр. 2198). Эта интерпретация принимается и Легге, и Куврером (см.: Couvreur, La chronique de la principauté de Lou, т. III, стр. 765). Как здесь, так и в некоторых других текстах народное собрание выражает свое отношение к происходящему в односложных и поэтому подчас непонятных репликах. Сходную картину представляло, по-видимому, раннешумерское народное собрание, где голосование производилось посредством выкриков «Да будет!» (см. Th. J a s o b s e n, Early Political Development in Mesopotamia, ZA, 8(52), 1957, стр. 101).

³⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 108.

³⁶ Сыма Гуан, Цзычжи тунцзянь, т. I, Пекин, 1956, стр. 22, 23, 38.

первых, о делах, связанных с опасностью для государства, во-вторых, о перенесении столицы, в-третьих, о вступлении на престол государя»³⁷.

Избрание правителя, как видно, было важнейшей, но далеко не единственной функцией народного собрания. Тексты «Цзо чжуань», приведенные выше, дают представление о других его функциях. Прежде чем сформулировать общий вывод, приведем еще несколько отрывков, характеризующих круг вопросов, обсуждавшихся на сходках свободных людей.

Очень интересны записи, свидетельствующие об активности народного собрания в Чжэн. «Цзо чжуань» рассказывает, что в 580 г. до н. э. (10 г. Чэн-гуна), когда чжэнский властитель был задержан в Цзинь, его родственник Гунцзы Бань добился того, что управление страной возглавил Гунцзы Сюй. Народу, однако, Гунцзы Сюй был ненавистен, и через месяц он был убит, а на его место поставлен Кунь Вань³⁸. Гунцзы Бань вынужден был бежать. Спустя три года, в 577 г. до н. э., он вернулся и попытался ночью внезапно захватить дворец властителя. Это, однако, ему не удалось. Один из представителей чжэнской знати Цзы Си через два дня собрал *гожэнь* и, заключив с ними договор, с их помощью сжег лагерь Гунцзы Баня и убил его и его сторонников³⁹. Указание на договор свидетельствует о том, что разгрому Гунцзы Баня предшествовало собрание, на котором было заключено соглашение между *гожэнь* и частью чжэнской знати, выступавшей против Гунцзы Баня. О чем шла речь в этом соглашении, текст не сообщает.

Предположительный ответ на этот вопрос дает отрывок, повествующий о событиях, имевших место в Чжэн в 542 г. до н. э. (30 г. Сян-гуна). Рассказ источника начинается с описания борьбы между чжэнскими знатными родами. Один из аристократов, Бо Ю, вызывавший возмущение распущенностью и пьянством, неоднократно требовал, чтобы его врага Цзы Си послали в Чу. Отношения у государства Чжэн с Чу в то время были плохие, и Цзы Си имел серьезные основания опасаться, что в Чу его убьют. Тогда, чтобы разделаться с Бо Ю, Цзы Си вместе со своими латниками напал на дом Бо Ю, и последнему пришлось бежать. После этого чжэнские *дафу* собрались на совещание. Но инициативу решения вставших в этот момент проблем, как показывает «Цзо чжуань», взял на себя народ. «Люди сказали, что Цзы Чань (популярный в народе деятель, впоследствии возглавивший чжэнскую администрацию. — В. Р.) должен встать на сторону справедливого и помочь сильным»⁴⁰.

Цзы Чань, однако, сначала отказался принять предложение народа, заявив, что он не является сторонником какой-либо из группировок чжэнской знати и ему поэтому трудно решить, кто должен пострадать в результате бедствий, переживаемых страной. Вслед за тем, как бы подчеркивая свою беспристрастность, Цзы Чань подобрал убитых, принадлежавших к роду Бо Ю, похоронил их и, не принимая больше участия ни в каких совещаниях, уехал.

Между тем народное собрание, по-видимому, продолжало обсуждать сложившуюся ситуацию. «Цзо чжуань» сообщает, что после отъезда Цзы Чаня было выдвинуто предложение задержать его, на что толпа (*чжун*)

³⁷ «Чжоу-ли Чжэн-чжу», т. 7, гл. 35, стр. 1 (изд. «Сыбу бэй-яо»): 掌外朝之政，以致万民而詢焉，一日詢国危，二日詢国遷，三日詢立君。

³⁸ Legge, V, стр. 372. Ду Юй в примечании к этому месту пишет, что Кунь Вань — старший сын чжэнского властителя Чэн-гуна (см. «Чуньцю», т. II, стр. 841).

³⁹ Там же, стр. 381: 子驪帥國人盟于大宮，遂从而尽焚之。

⁴⁰ То, что иероглиф 人 *жэнь* «люди» в данном случае обозначает собравшихся на сходку свободных, видно из дальнейшего текста, где этот термин заменяется термином *чжун* «толпа», обозначающим в подобных ситуациях, как мы отмечали выше, народное собрание. В примечании к этому тексту Ду Юй поясняет, что в Чжэн справедливым называли Цзы Си, а сильными — три знатных рода (Хань, Сы и Фэн) («Чуньцю», т. II, стр. 1348).

ответила: «Человек не слушает нас, для чего же его задерживать?». Все же его убедили вернуться, и он заключил договор с родом Цзы Си; в этом договоре, вероятно, предусматривалось согласие данного рода на его участие в управлении. Затем правитель заключил договор с *дафу* в большом храме, а с *гожэнь* договор был заключен за Шичжилянном⁴¹. Источник помогает понять, о чем шла речь в этих договорах, когда сообщает далее, что Бо Ю, находившийся в Юнляне, недалеко от столицы Чжэн, был разъярен, узнав, что чжэнцы заключили договор на его счет⁴². Ясно, что эти договоры были посвящены вопросу о разделе его имущества и рабов. Это подтверждает и аналогичный текст, рассказывающий, что после того, как в царстве Ци были разбиты знатные роды Луань и Гао, их имущество было разделено между победителями. Мы видим, таким образом, что народ принимал участие не только в решении политических вопросов, но и в распределении имущества, оставшегося от истребленных или изгнанных знатных родов. Имевшаяся у народа возможность контроля действий правящей верхушки в этой области — еще одно свидетельство силы общинных традиций и примитивности государства в период Чуньцю. Этот факт, дополняя картину социально-политической обстановки VII—V вв. до н. э., несомненно подтверждает выдвинутый нами тезис о существовании народного собрания в эту эпоху истории Китая.

Записи «Цзо чжуань» позволяют утверждать, что от народного собрания подчас исходило назначение и замена сановников, стоявших во главе администрации некоторых государств этого времени. Так, упомянутый выше текст, относящийся к 483 г. до н. э., рассказывает, как Юань По, занимавший пост *сыту*⁴³ в государстве Чэнь, облагал налогом участки *гожэнь*, чтобы собрать приданое для дочери гуна. Остаток средств, получившихся таким образом, он употреблял на приобретение для себя больших сосудов. Это привело к тому, что *гожэнь* прогнали его (Legge, V, стр. 822). Вместо него, вероятно, они избрали нового *сыту*. Об аналогичном явлении в Чжэн рассказывает текст, датированный 543 годом до н. э. (29 г. Сян-гуна). Здесь говорится, что во время голода Цзы Пи, выполняя волю своего покойного отца, раздавал зерно народу. Таким образом, как сообщает источник, он завоевал привязанность *гожэнь* и стал возглавлять чжэнское правительство в качестве *шанцин* (там же, стр. 544). Приведенные выше отрывки, указывающие на народное собрание в Чжэн, делают вполне вероятным предположение, что Цзы Пи был выбран на пост *шанцин* народом. Такое предположение подтверждается и тем, что в хронологически близком к этому тексту отрывке, повествующем о событиях, произошедших в Чжэн в 553 г. до н. э. (19 г. Сян-гуна), говорится о том, что три высших представителя чжэнской администрации были возведены на свои посты «людьми Чжэн» (там же, стр. 481); под этим обозначением, как явствует из контекста, следует понимать чжэнских *гожэнь* (см. ниже, стр. 36).

Датированная 577 годом до н. э. (13 г. Чэн-гуна) запись, рассказываю-

⁴¹ Ду Юй поясняет, что Шичжилянном назывались ворота в стене, окружавшей Чжэн.

⁴² Legge, V, стр. 553: 伯有聞鄭人之盟己也.

⁴³ В китайско-русском словаре под ред. И. М. Ошанина термин 司徒 *сыту* переводится как «начальник приказа культа и просвещения» (стр. 350). А. Масперо, ук. соч., стр. 73, отмечая, что в обязанности *сыту* входило «управление крестьянским плебсом в его ежедневной жизни», передает его значение как «управляющего множественством» или «господина земледелия». Шиндлер высказывает предположение, что первоначальная обязанность *сыту* заключалась в командовании ополчением пехотинцев-крестьян, и переводит его как «глава пехотинцев» (B. Schindler, Das Priestertum im alten China, В., 1916, стр. 53, прим. 3). Мы в своем переводе исходим из относящегося к этому же государству Чэнь текста «Цзо чжуань», говорящего, что «*сыту* занялся народом» (Legge, V, стр. 511).

щая о событиях в Цао, также свидетельствует, что при известных обстоятельствах народ имел возможность выбирать людей для выполнения определенных поручений. В этой записи говорится, что после смерти цаоского властителя Лу, умершего в походе, жители города назначили Фу Чу, одного из его сыновей, охранять город, а другого — Цзы Цзана — встретить гроб отца. Убив своего старшего брата, Фу Чу провозгласил себя наследником престола. Тогда Цзы Цзан, дождавшись конца похорон, заявил, что он уйдет из города. Все *гожэнь*, как сообщает «Цзо чжуань», собирались за ним последовать. Эта угроза испугала Фу Чу (источник называет его уже новым званием Чэн-гуна), и он вынужден был, признав свою вину, просить Цзы Цзана и *гожэнь* остаться (там же, стр. 381).

Здесь мы встречаемся с указанием на два собрания. Одно из них было созвано летом, сразу после смерти властителя; на этом собрании был решен вопрос о распределении обязанностей между двумя сыновьями Лу. Второе собрание состоялось зимой, после похорон; на этот раз *гожэнь* решили уйти из города вместе с Цзы Цзаном ⁴⁴.

Ф. Энгельс отмечает, что народное собрание древних германцев имело и судебные функции (ук. соч., стр. 148). В раннединастическом Шумере народные собрания также занимались судебным разбирательством и свидетельствованием сделок всякого рода (Дьяконов, ук. соч., стр. 144). Выполняло ли эту функцию собрание *гожэнь* в период Чуньцю? Приведенные тексты говорят о том, что иногда, решая вопрос о вине того или иного сановника, собрание *гожэнь* выступало в такой роли. Другие указания, однако, свидетельствуют о том, что суд и наказание были в это время в руках правителей. Это подтверждается относящимися к 683 г. до н. э. (10 г. Чжуан-гуна) текстами «Цзо чжуань», в котором приводится диалог правителя Лу Чжуан-гуна с простым человеком перед решающим сражением с царством Ци. Стремясь обеспечить себе в этот критический момент поддержку народа, Чжуан-гун обещает, что «в больших и малых тяжбах... будет судить по совести» (Legge, V, стр. 85). Правителем рассматривались, следовательно, не только крупные, но и мелкие дела. Что суд был привилегией знати, показывает рассказ в «Цзо чжуань» о реакции цзиньского вельможи Шу Сяна на замену обычного права писаным сводом законов в Чжэн в 535 г. до н. э. (6 г. Чжао-гуна). Шу Сян писал возглавлявшему чжэнскую администрацию Цзы Чаню: «Древние государи, всесторонне взвешивавшие каждое дело, прежде чем установить правило, не составляли законов о наказаниях, опасаясь вызвать в народе дух споров и борьбы. Но вовсе прекратить преступления невозможно, и вот они сдерживали народ справедливостью, связывали его благоразумным управлением, поступали с ним согласно обычаем, оберегали доверием и поддерживали человечность. Они вводили жалованья и титулы для поощрения послушных; сурово пресекая нарушения и наказания виновных, они внушали страх лиходеем. Боясь, что этого окажется недостаточным, они поучали народ быть преданным, наставляли его обращать внимание на свое пове-

⁴⁴ Угроза ухода *гожэнь* встречается в «Цзо чжуань» еще раз в отрывке, относящемся к 499 г. до н. э. (Legge, V, стр. 776—10 г. Дин-гуна). Здесь рассказывается, что после того, как сунский правитель отказался удовлетворить просьбу своего младшего брата Чэня, последний сказал ему: «Если я уйду вместе с *гожэнь*, то с кем останется государь?». По-видимому, подобно сессиям римских плебеев, такой уход угрожал подрывом боевой и экономической силы государства. Нам не известны, однако, случаи, чтобы такая угроза была приведена в исполнение, а это показывает, что классовые противоречия в древнем Китае того времени далеко не достигли такой остроты, как в Риме V—IV веков до н. э. Отметим также, что, в отличие от римского плебса, *гожэнь* не выступали против аристократов вообще: они боролись лишь против тех группировок знати, которые настаивали на проведении неблагоприятной для массы обывников политической линии, и поддерживали ту часть знати, которая шла на уступки народу.

дене и учили выполнять свой долг. Прежние государи руководили людьми с мягкостью и подходили к ним с уважением; правили непреклонно и судили с твердостью. Кроме того, они стремились поставить над народом мудрых и опытных людей, подбирали просвещенных и осторожных чиновников, верных и искренних начальников, милостивых и благосклонных учителей. Потому-то народ и позволял им руководить собой, и не рождалось ни несчастья, ни смуты. Когда же народ узнает, что появились законы, он перестанет опасаться вышестоящих. У всех появится желание судиться, ссылаясь на закон, выиграть тяжбу не по заслугам» (Legge, V, стр. 607). Аналогична была и реакция Конфуция на опубликование кодекса законов в Цзинь в 513 г. до н. э. (29 г. Чжао-гуна). «Цзо чжуань» передает, что Конфуций, узнав о том, что в Цзинь отлиты сосуды с записью свода законов, заявил: «Народу достаточно будет этих сосудов, для чего ему почитать благородных? Разве благородные сохраняют при этом унаследованные должности? А если не будет порядка (в отношениях) между благородными и ничтожными, то как будет существовать государство?» (там же, стр. 730). Эти отрывки достаточно ясно говорят о том, что суд оставался в период Чуньцю привилегией родовой знати, судившей по нормам обычного права и считавшей недопустимым сам факт опубликования законов. Народное собрание выступало в роли суда лишь в тех редких случаях, когда признавалось, что рассматриваемый вопрос имеет отношение к судьбе всей общины.

Подводя итог, попытаемся определить, каковы были функции народного собрания в период Чуньцю. Большинство приведенных отрывков рассказывает об обсуждении народом внутривполитических вопросов. В круг таких вопросов входит избрание правителя и его ближайших сотрудников, распоряжение имуществом изгнанных или убитых аристократов, поддержка одной из борющихся группировок знати. Записи, рассказывающие о событиях в Чэнь в 505 г. до н. э. (стр. 25) и в Вэй в 501 г. до н. э. (стр. 23), говорят о том, что подчас на сходках свободных решались вопросы внешнеполитической ориентации государства. Народу Вэй в 501 г. до н. э. предстояло решить, бороться ли за независимость своей страны или идти в подчинение другому, более могущественному царству. Наконец, в четырех отрывках мы встречаемся с тем, что народ принимает решения по вопросам, относящимся как к внутренней, так и к внешней политике соответствующих государств (тексты, говорящие о событиях в Цзинь в 643 г. до н. э. и в Вэй в 641, 631 и 468 гг. до н. э. — стр. 25—27).

Существенной особенностью приведенных текстов является то, что почти все они относятся к небольшим государствам⁴⁵. Лишь один текст говорит о царстве Цзинь; характерно, однако, что он относится к тому времени, когда это царство еще не стало гегемоном северокитайских государств. Вряд ли случайно такое распределение сведений о народных собраниях. Рост древнекитайских государств, несомненно, способствовал концентрации власти в руках правителей и их приближенных и прекращению деятельности народных собраний в столицах.

Правильность этого наблюдения подтверждается записями «Цзо чжуань», говорящими о положении *гожэнь* в крупных царствах Чу и Ци. В тексте, повествующем о событиях, произошедших в Ци в 545 г. до н. э. (27 г. Сянь-гуна), рассказывается, что сановник Цин Фэн, стремясь уни-

⁴⁵ Поэтому больше всего данных о народных собраниях мы встречаем именно в «Цзо чжуань», а не в освещающей эту же эпоху книге «Го юй», которая повествует главным образом о крупных царствах и почти не содержит сведений о государствах, где, как это видно из приведенных текстов, сохранилась традиция сходок свободного населения. Помимо материалов относительно Цзинь, в «Го юй» имеется лишь небольшая глава о Чжэн.

чтожить представлявший для него потенциальную опасность род Цуй, сумел спровоцировать внутри этого рода кровавую резню. Затем по просьбе главы рода Цуй он отправил своих латников взять цитадель, где укрепились остальные члены этого рода. Но латники не смогли выполнить этой задачи, пока на помощь им не были посланы *гожэнь* ⁴⁶.

Гожэнь, как видно, выступают в этом тексте совсем в другой роли, чем в приведенных выше отрывках: они здесь не активно действующая сила, а объект давления сверху. Их помощь Цин Фэну, как показывает «Цзо чжуань», была не добровольной, а вынужденной. Это позволяет сделать заключение, что в царстве Ци в середине VI в. до н. э. *гожэнь* уже начали утрачивать унаследованные от прошлого права.

Еще яснее бесправие *гожэнь* показывает датированная 514 годом до н. э. (27 г. Чжао-гуна) запись, описывающая события в царстве Чу. Здесь рассказывается, что чуский полководец Ци Юань, пользовавшийся любовью *гожэнь*, был оклеветан перед возглавлявшим правительство царства Чу Лиэ Чаном, и последний приказал атаковать и поджечь дом Ци Юаня. Источник сообщает, что *гожэнь* отказались выполнить этот приказ. Тогда было объявлено, что те, кто отказывается участвовать в поджоге, будут наказаны так же, как сам Ци Юань. Это испугало некоторых, и они захватили горючий материал, но потом снова его выбросили, вторично послушавшись приказа Цзы Чана. В конечном счете самому сановнику пришлось зажечь дом, после чего были истреблены все ответвления рода Ци Юаня и все его сторонники (Legge, V, стр. 720).

Эти данные позволяют говорить о том, что почти полное отсутствие в «Цзо чжуань» сведений о народных собраниях в крупных царствах не случайно ⁴⁷. Оно отражает тот факт, что народ в этих царствах постепенно утрачивал остатки прав на участие в управлении, которые сохранились у свободных общинников небольших государств ⁴⁸.

Такая дифференциация имеющегося в источниках материала позволяет подойти к решению вопроса о хронологических рамках существования в древнем Китае народных собраний.

Для середины II тысячелетия до н. э. их функционирование засвидетельствовано, например, текстом «Шуцзин», в котором воспроизводятся речи перед народом Чэн Тана и Пань Гэна ⁴⁹. В главе «Тан ши» ⁵⁰ излагается речь Чэн Тана, обращенная к народу, который обозначается здесь термином 衆庶 *чжуншю* «масса простых», перед решающим сражением с племенем ся. Чэн Тан сначала убеждает народ в необходимости покарать ся, а затем угрожает тем, кто с ним не согласен. Еще более яркими примерами выступлений на народных собраниях могут служить три речи Пань Гэна, посвященные переселению шанского племени (Karlgren, ук. соч., стр. 20—26). Во вступлении к первой из них говорится, что народ не хотел переселяться. Тогда в соответствии со старинным обычаем, запрещавшим закрывать дорогу предостережениям, исходившим от маленьких людей (小人 *сяожэнь*), Пань Гэн созвал народ (обозначенный здесь термином

⁴⁶ Legge, V, стр. 531: 使国人助之.

⁴⁷ Следует иметь в виду, что на историю царств Чу, Цзинь и Ци приходится не меньше 60% всего объема источника. История царства Цинь в «Цзо чжуань» освещена крайне скупо.

⁴⁸ Вопрос о характере политического строя крупных царств нуждается в дальнейшем исследовании.

⁴⁹ В соответствии с принятой в настоящее время большинством ученых хронологией победа Чэн Тана над племенем ся относится к XVII—XVI вв. до н. э., переселение ньинского племени при Пань Гэне — к XIV—XIII вв. до н. э. (см. Фань Вэнъян, ук. соч., стр. 45; Ван Юй-чжэ, ук. соч., стр. 281; «Очерки истории Китая» под ред. Шап Юэ, М., 1959, стр. 27).

⁵⁰ В. Karlgren, The Book of Documents, BMFEA. № 23, 1950, стр. 19—20.

衆 *чжун*, фигурирующим, как отмечалось, и в ряде текстов «Цзо чжуань») и обратился к нему с речью, в которой приводил ряд доводов в пользу переселения. Вторая речь, произнесенная уже в пути, была предназначена для поднятия духа народа, неохотно следовавшего за своим вождем. С третьей речью Пань Гэн выступил уже после прибытия в Инь. Здесь, успокаивая людей, он дал обещание, что, выбирая помощников, будет заботиться о том, чтобы они уважали народ.

Разумеется, достоверность данных «Шуцзиня» нуждается в доказательстве. Но тот факт, что в них нашла отражение традиция о существовании народных собраний, не подлежит сомнению. Поскольку мы застаем народные собрания действующими в рассматриваемое здесь время (VII—V вв. до н. э.), очевидно, что оно функционировало также и в предшествующий период Западного Чжоу. Это подтверждается, в частности, появлением термина *гожэнь* в текстах «Го юй», рассказывающих о свержении Ли-вана в 841 г. до н. э. («Го юй», Шанхай, 1958, стр. 3 и 5).

Ликвидацию народных собраний как политически активных органов следует отнести, по-видимому, к периоду Чжаньго, когда была уничтожена самостоятельность мелких государств⁵¹, а в больших царствах все яснее вырисовывалась тенденция к уничтожению традиционных вольностей и созданию централизованного деспотического строя⁵².

Некоторые из приведенных текстов свидетельствуют о том, что *гожэнь* не только собирались на сходки, но и выступали с оружием в руках. Иначе говоря, народ, сходявшийся на собрания в период Чуньцю, был вооруженным народом. Этот вывод подтверждается рядом других записей «Цзо чжуань», которые приводятся ниже в хронологическом порядке.

1. В 619 г. до н. э. (7 г. Вэнь-гуна) сунские *гожэнь* под руководством представителей знатных родов напали на дворец властителя, собиравшегося расправиться с неудобными ему аристократами. Источник специально отмечает, что имена участников не упоминаются, так как их было множество (Legge, V, стр. 246).

2. Запись, относящаяся к 608 г. до н. э. (18 г. Вэнь-гуна), рассказывает, что плохое отношение к *гожэнь* цзюйского властителя Цзи-гуна привело к тому, что они помогли расправиться с ним его сыну Пу, которого он хотел лишить престола (там же, стр. 279).

3. К 575 г. до н. э. (15 г. Чэн-гуна) относится рассказанный в источнике эпизод, произошедший в Сун. После убийства сунского наследника пользовавшийся любовью *гожэнь* Хуа Юань ушел из столицы и отправился на север. Оставшиеся представители знати, крайне обеспокоенные тем, что народ не даст им теперь управлять, просили его вернуться. Он согласился лишь при условии, что ему будет предоставлена возможность наказать виновников преступления. Вернувшись, он поручил своим сторонникам, возглавив *гожэнь*, напасть на род преступника и убить его самого (там же, стр. 387). Этот текст не оставляет сомнений в том, что у *гожэнь* было оружие. Употребленный здесь термин 帥 *шуй* «стоять во главе», как правило, в «Цзо чжуань» относится к полководцам, возглавляющим войска (там же, стр. 1, 269, 285, 350 сл.).

⁵¹ Из государств, фигурирующих в приведенных записях «Цзо чжуань», раньше всех было уничтожено Цао: оно было завоевано государством Сун в 487 г. до н. э. За ним последовало Чэнь, захваченное царством Чу в 479 до н. э. Это же царство в 431 г. до н. э. уничтожило самостоятельность Цзюй. Государство Чжэн дожило до 375 г. до н. э., Сун — до 286 г., Вэй — до 222 г. (см.: J. N e e d h a m, Science and Civilisation in China, т. I, Cambridge, 1954, стр. 94). Мне не удалось найти никаких данных о времени завоевания карликового государства Чэн.

⁵² Напомним, что именно в период Чжаньго (в середине IV в. до н. э.) была разработана Шан Яном классическая теория деспотии, не имеющая себе равных в истории политических учений по последовательности в проведении принципа абсолютной власти царя.

4. Наличие оружия у *гожэнь* подтверждается и текстом, описывающим мятеж нескольких знатных родов в Чжэп в 562 г. до н. э. (10 г. Сян-гуна); в ходе этого мятежа был убит ряд ведущих чжэпских деятелей. Сыновья их Цзы Си и Цзы Чань вышли в бой с мятежниками, вооружив своих людей, но исход сражения был решен вмешательством *гожэнь*, которые под руководством Цзы Цзяо нанесли решительный удар мятежникам⁵³. Источник говорит о том, что Цзы Си раздавал доспехи, а Цзы Чань, построив своих людей, вывел в бой 17 колесниц. Отсюда можно заключить, что у *гожэнь* оружие было всегда. Если бы пришлось их вооружать, об этом было бы здесь также упомянуто.

5. В 553 г. до н. э. (19 г. Сянь-гуна), как повествует «Цзо чжуань», Цзы Кун захватил в Чжэп всю власть в свои руки, и *гожэнь* страдали от него. После того, как попытка договориться с Чу вопреки воле большинства народа навлекла на Цзы Куна ненависть, он завел собственную вооруженную охрану, которая спасала его от народного гнева. Но в конце концов *гожэнь* под руководством Цзы Чжэня и Цзы Си, напав на него, убили его и разделили его имущество. Сторонники Цзы Куна бежали в Чу, а народ поставил во главе страны Цзы Чжэня, Цзы Си и Цзы Чаня (там же, стр. 481).

6. Относящийся к 541 г. до н. э. (31 г. Сян-гуна) текст рассказывает, что цзюйский властитель Ли Би был тираном, и народ страдал от него. В 11 луну *гожэнь* под руководством сына Ли Би напали на него и убили его (там же, стр. 561).

7. Запись, относящаяся к 531 г. до н. э. (10 г. Чжао-гуна), рассказывает о вражде в Ци между родами Луань и Гао, с одной стороны, и Чэнь и Гао — с другой. Дважды роды Луань и Гао были побиты, но над ними не было достигнуто окончательной победы, пока не вмешались *гожэнь*, обратившие в бегство и разбившие их. Возглавлявшие их люди бежали в Лу, а имущество было разделено между победителями (там же, стр. 627).

8. Текст, относящийся к 497 г. до н. э. (12 г. Дин-гуна), рассказывает об участии народа Лу в борьбе с вторгшимися в столицу жителями Би, стремившимися предотвратить разрушение стен, окружавших их город. Жители Би потерпели поражение, и *гожэнь* преследовали их (там же, стр. 780).

9. Орывок, относящийся к 496 г. до н. э. (13 г. Дин-гуна), рассказывает, как могущественные цзиньские аристократы Сюнь Инь и Ши Цзи-шэ во главе своих родов напали на цзиньского гуна. Еще до этого бежавший из Ци и проживавший в Цзинь Гао Цян отговаривал их от такого шага, предсказывая, что народ не поддержит их. Действительно, народ пришел на помощь гуну и нанес им поражение (там же, стр. 783).

Тексты показывают, таким образом, что поддержка *гожэнь* оказывалась фактором, решавшим исход волнений и смут в период Чуньцю. Особенно показательны в этом отношении тексты № 4, 5, 7, 9, где ополчение *гожэнь* выступает как сила, независимая от аристократических дружин, включавших, кроме боевых колесниц, и одетых в латы пехотинцев.

Интересное объяснение значительной роли вооруженного народа в политической истории этой эпохи мы находим в работе Дж. Нидхема «Наука и общество в древнем Китае». Нидхем пишет, что мощный китайский арбалет был изобретен, как показывают некоторые данные, уже в начале I тысячелетия до н. э. С VIII в. до н. э. он был на вооружении пехотинцев, сопровождавших в походах колесницы знати. В то же время оборонительное оружие было мало развито. Долгое время оно ограничивалось защитной одеждой из бамбука или дерева. Народ, таким образом, владел на-

⁵³ Legge, V, стр. 444: 子攝帥國人助之.

ступательным оружием большой силы, а правящий класс не имел в своем распоряжении удовлетворительных средств защиты. Это не могло не сказаться на соотношении сил аристократии и народа⁵⁴.

К сожалению, нет точных данных, которые позволили бы выяснить, как были вооружены *гожэнь*. Лишь в одном из текстов, говорящих об их выступлениях, мы встретили указание на то, что, наряду с оружием, они использовали и орудия ремесла (см. стр. 28). Вызывает сомнение утверждение Нидхема, согласно которому арбалеты были на вооружении пехотинцев с VIII в. до н. э. Ян Куань отмечает, что самые ранние из арбалетов, найденных археологами, относятся к периоду Чжаньго, и ни в одном из текстов, трактующих об эпохе до V в. до н. э., упоминания об арбалетах не встречается⁵⁵. Но даже если в руках *гожэнь* были, помимо ремесленных и земледельческих орудий, не арбалеты, а луки⁵⁶, этого, учитывая их численное превосходство, было вполне достаточно, чтобы в тех условиях они представляли грозную силу.

В самом деле, при столкновении в городе, а не на поле боя, соотношение сил должно было складываться в пользу той группировки знати, на стороне которой выступал народ. При этом играло роль не только численное превосходство, но и то, что на поле сражения каждую боевую колесницу сопровождали 72 пехотинца, разделенные на три отряда, один из которых располагался впереди колесницы, а два по ее сторонам⁵⁷. Эти пехотинцы состояли в основном из людей, набранных в селениях, находившихся под управлением представителей знати, сражавшихся на колесницах⁵⁸. Вряд ли аристократы успевали, когда вспыхивал бой в городе, собрать вокруг своих колесниц необходимое количество пеших воинов. Что же касается уже появившихся в то время пеших дружин аристократических родов (甲人 *цзяжэнь* «латники»), то они, по-видимому, были весьма немногочисленны; без поддержки *гожэнь* они оказывались не в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи (см. рассказ о событиях в Ци в 545 г. до н. э., стр. 33—34), а при столкновении с *гожэнь* терпели поражение (текст № 5, стр. 36). В такой обстановке превосходство вооруженных *гожэнь* над недостаточно прикрытыми и потому уязвимыми колесницами должно было быть особенно ощутительно.

Установив наличие собраний вооруженного народа в столицах древнекитайских государств, попробуем выяснить, существовала ли традиция созыва сходов свободного населения на периферии. Необходимо отметить, что некоторые китайские ученые придерживаются взгляда, согласно которому в это время в древнекитайском обществе наряду с *гожэнь* существовал резко отличавшийся от них и даже противоположный им по своему социальному статусу слой 野人 *эжэнь* — живших вне стечных поселений деревенских людей. Хоу Вай-лу считает их рабами, а *гожэнь* — свободными людьми (ук. соч., стр. 185—193; 269—280). Сы Вэй-чжи видит различие между этими двумя группами в том, что *гожэнь* могли носить

⁵⁴ J. N. S. edham, Science and Society in Ancient China, L., 1947, стр. 14—15.

⁵⁵ Ян Куань, История Чжаньго, Шанхай, 1955, стр. 144, прим. 6 (на кит. яз.). Вывод Ян Куаня подтверждают приведенные в кн. Чжоу Вэй, История китайского оружия, Пекин, 1957, отрывки, в которых говорится об арбалетах (см. стр. 162—163); сам автор этой книги не делает попытки датировать изобретение арбалета.

⁵⁶ Дьяконов, ук. соч., стр. 174, отмечает, что лук — один из наиболее демократических видов оружия. Луками и булавами были вооружены народные отряды в древнейшем Шумере (там же). О распространенности лука в древнем Китае той эпохи свидетельствует то, что при перечислении наступательного оружия луки и стрелы всегда упоминаются на первом месте (см., например, главу «Би ши» в «Шуцзи» — Карлгер, ук. соч., стр. 80; гл. «Фэй гу» в книге: «Мо-цзы» — «Чжунцзы цзицзи», т. IV, Пекин, 1957, стр. 82 и т. д.).

⁵⁷ Н. П. Копрод, Суль-цзы, М., 1950, стр. 83.

⁵⁸ Ян Куань, История Чжаньго, стр. 114.

оружие и участвовать в народных собраниях, в то время как *ежэнь* такой возможности не имели (ук. соч., стр. 67). Ян Сян-куй настаивает на том, что *гожэнь* были свободными общинниками, а *ежэнь* — закрепощенными феодально-зависимыми крестьянами⁵⁹. Однако, хотя эти ученые и говорят о периоде Чуньцю, но, противопоставляя *гожэнь* и *ежэнь*, они ссылаются исключительно на источники, относящиеся к периоду Чжаньго: «Чжоу-ли», «Мэн-цзы», «Сюнь-цзы». Между тем известно, что развитие ремесла и торговли, наряду с централизацией и укрупнением государств, привело в IV—III вв. до н. э. к значительному росту городов, а тем самым и к кристаллизации специфических черт городской жизни. Ясно, что источники, возникшие в такой обстановке, не могут быть без проверки отнесены к предыдущему и сильно отличающемуся по существу периоду китайской истории. Для выяснения социального строя этого времени необходимо привлечь материалы, характеризующие Китай VII—V веков до н. э.

В «Цзо чжуань», наряду с термином *гожэнь*, встречается и термин *ежэнь*, но контекст, в котором он выступает, не подтверждает точек зрения, выдвинутых упомянутыми учеными. Первый раз этот термин встречается в отрывке, рассказывающем о странствиях изгнанного из Цзинь принца Чжун Эра. Будучи в Вэй, доведенный до крайности Чжун Эр попросил у деревенского человека (*ежэнь*) поесть, но тот вместо еды дал ему ком земли (Legge, V, стр. 184). Второй раз это сочетание появляется в тексте, относящемся к 495 г. до н. э. (14 г. Дин-гуна) и рассказывающем, как сунский деревенский люд (*ежэнь*), напевая фривольную песенку, высмеял наследника сунского престола (там же, стр. 786). Как видно, эти отрывки не дают возможности противопоставить *ежэнь* и *гожэнь*. Мало того, второй отрывок скорее говорит о том, что *ежэнь* не были уж так забиты и не испытывали особого страха перед старшим сыном своего властителя. Термин 野 *e* из этого сочетания большей частью означает в «Цзо чжуань» «деревня, поле» (там же, стр. 197, 422, 520 сл.). Один из текстов говорит, что в деревнях живет народ 民 *минь* (там же, стр. 697). Употребление термина *минь* указывает на отсутствие принципиальной разницы в подходе анналиста к *гожэнь* и *ежэнь*. В высказываниях видных политических деятелей и мыслителей той поры не раз подчеркивается, что народ является в государстве решающей силой.

Картина положения жителей окраинных районов в период Чуньцю дополняется имеющимися в источнике сведениями об их собраниях и о заключавшихся с ними договорах. Относящаяся к 500 г. до н. э. (9 г. Дин-гуна) запись рассказывает, что когда Вэй и Ци напали на Цзинь, вэйские войска прошли через цзинское местечко Чжунмоу. Жители Чжунмоу хотели напасть на них, но человек, бежавший из Вэй и находившийся в то время в Чжунмоу, отговорил их от этого и убедил напасть на войско Ци (там же, стр. 772). Этот текст показывает, что жители Чжунмоу имели оружие и, по-видимому, на сходках сами решали, как им поступать в опасных обстоятельствах. Иначе говоря, их образ действий не отличается в данном случае от образа действий *гожэнь*. То, что жители окраинных районов имели возможность собираться на сходки и в отношении своего социального статуса мало отличались от *гожэнь*, подтверждается и относящимся к 527 г. до н. э. (14 г. Чжао-гуна) текстом, рассказывающим, что Нань Куай, управлявший имением Би, принадлежавшим лускому сановнику Ци Пин-цзы, решившись поднять мятеж против своего господина, заключил договор с жителями этого имения (там же, стр. 654). Заключение договора (обозначенного тем же иероглифом 盟 *мэн*, что и упомяну-

⁵⁹ Я н С я н - к у й, Экономический строй государства Ци в доцинскую эпоху, «Сборник статей о периодизации древней истории Китая», Пекин, 1957, стр. 94 (на кит. яз.).

тые выше договоры, заключавшиеся с *дафу* и *гожэнь*) было возможно только со свободными людьми.

Эти данные показывают, что в социальном статусе *гожэнь* и сельского населения не было принципиального различия. Сама специфика древнекитайского города того времени, по существу мало отличавшегося от деревни, исключала возможность формирования контрастных черт городской и деревенской жизни. Трудно было бы ожидать сохранения в городах столь существенных элементов первобытно-общинной демократии при полном исчезновении их в деревнях. Приведенные записи подтверждают, что традиции, наличие которых отмечалось нами в центрах древнекитайских государств, наблюдаются и в периферийных местностях.

В обстановке, когда вооруженный народ имел возможность сбравшись обсуждать вопросы государственной политики, свергать одних правителей и ставить на их место других, наиболее дальновидные представители знати в своих речах постоянно подчеркивали, что от народа зависит судьба правителей, советовали заботиться о народе и предостерегали от попыток навязать ему свою волю силой оружия. Шан Юэ правильно заметил, что такая политическая обстановка наложила отпечаток и на религиозные взгляды: в памятниках того времени мы встречаемся с убеждением, что народ находится в тесной связи со сверхъестественными силами, с небом и с духами⁶⁰. Так, в «Шуцзин» говорится, что «прозрение и настороженность неба осуществляются через прозрение и настороженность народа»⁶¹. В «Цзо чжуань» передаются слова суйского сановника Цзи Ляна о том, что «народ — хозяин духов» (Legge, V, стр. 47). Очень интересен в этом отношении приведенный здесь же разговор между начальником музыкантов Куаном и цзиньским царем Дао-гуном. Куан, отстаивая право народа на изгнание жестокого и несправедливого властителя, говорит: «Небо, создав народ и поставив над ними государя, поручило ему быть пастырем, и ему не следует терять этого качества.... Любовь неба к народу огромна, разве оно позволит одному человеку чинить произвол над ним, давать волю своим прихотям и не считаться с природой неба и земли? Конечно, нет!» (там же, стр. 462). О глубоком сознании силы народа говорит появившееся в период Чуньцю и впоследствии вошедшее в пословицу изречение «Сердце массы строит стены, голос массы плавит металл» («Го юй», стр. 44). Об этом же свидетельствуют и слова Конфуция относительно того, что «без доверия народа удержаться невозможно»⁶².

Роль, сыгранная в истории китайской философии этими демократическими идеями, получившими широкое распространение в период, непосредственно предшествовавший формированию основных школ древнекитайской мысли, до сих пор остается не оцененной, что связано с неправильным освещением политической и социальной истории Китая VII—V веков до н. э. Вместо унылой и монотонной картины патриархальной деспотии мы видим в городах-государствах древнего Китая той эпохи бьющую ключом политическую жизнь, разнообразные и неожиданные комбинации действовавших самостоятельно, а не подчинявшихся всеобъемлющему деспотическому регулированию политических сил. Изучение истории периода Чуньцю показывает, что политической обстановкой, в которой возникла классическая китайская философия, богатая рационалистическими и гу-

⁶⁰ Шан Юэ, Предварительное исследование о формах производства в доциньскую эпоху, «*Тяши яньцзю*», 1956, № 7, стр. 13 (на кит. яз.). В этой статье Шан Юэ говорит о значительном влиянии народа на решение государственных дел в эпоху Чжоу, но не пытается выяснить, каким образом народ выражал свою волю.

⁶¹ Karlgren, The Book of Documents, стр. 10.

⁶² «*Чжуцзы цзичэн*», т. I, ч. 1, стр. 266.

манистическими идеями, была вовсе не восточная деспотия, а строй, в котором сохранились весьма значительные элементы демократии.

Но значение вскрытых нами фактов отнюдь не ограничивается политической историей. Говоря о социальном статусе тружеников, они дают нам ценнейшие указания для решения основных вопросов периодизации истории древнего Китая⁶³. Теория, согласно которой в период Чуньцю все трудящиеся и прежде всего земледельцы были рабами, находится в явном противоречии с этими фактами. Seriously подрывают они и точку зрения тех ученых, которые рассматривают Китай VII—V веков до н. э. как феодальное общество. Отстаивающие эти взгляды ученые упускают из виду историческую специфику периода Чуньцю, заключающуюся в том, что громадную роль играли общинные традиции и обычаи, унаследованные от первобытно-общинного строя. Это, несомненно, было раннеклассовое общество. Исходя из того, что важнейшей тенденцией его развития наряду с распадом общинно-родовых связей был рост рабовладения, представляется правильным определение этого общества как раннерабовладельческого.

Значение вскрытых фактов заключается, наконец, и в том, что они являются серьезным подтверждением высказанного И. М. Дьяконовым и Д. Г. Редером взгляда, согласно которому деспотии в странах древнего Востока предшествовали другие, более демократические формы государственной власти⁶⁴. До сих пор можно было считать доказанным, что таков был путь развития государственного строя древнего Двуречья⁶⁵ и Хеттского царства⁶⁶. Отдельные факты говорили за то, что эта же закономерность наблюдается в истории древнейшей Палестины⁶⁷. Теперь к числу стран, шедших таким путем, можно отнести и Китай.

⁶³ Взгляды, высказанные китайскими учеными в ходе дискуссии о периодизации древней истории Китая, охарактеризованы в следующих работах: А. А. Серкина, Дискуссия китайских ученых о периодизации древней истории Китая, СВ, 1956, № 6; Л. С. Васильев, Исследование Го Мо-жо о рабстве в древнем Китае, СК, 1957, № 2; В. А. Рубин, Дискуссия о периодизации древней истории Китая на страницах журнала «Вэнь, ши, чжэ», ВДИ, 1955, № 4; он же, Проблемы рабовладельческой формации в древнем Китае в освещении современных китайских ученых, ВИ, 1957, № 4.

⁶⁴ Дьяконов, ук. соч.; Д. Г. Редер, Военная демократия в странах древнего Востока, УЗМОПИ, т. XIV, 1950.

⁶⁵ Этому посвящены указанные труды И. М. Дьякопова, а также работы Т. Якобсена (см. J a s o b s e n, ук. соч.; он же, Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia, JNES, 1943, № 2).

⁶⁶ В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, ГАИМК, вып. 97, М.—Л., 1934; он же, О «гуманности» хеттских законов, ВДИ, 1947, № 4; В. В. Иванов, Происхождение хеттского термина *panku*—«собрание», ВДИ, 1957, № 4; 1958, № 1.

⁶⁷ С. U. W o l f, Traces of Primitive Democracy in Ancient Israel, JNES, 1947, № 2.